

УДК 61(09)

**НИКОЛАЙ КИРИЛЛОВИЧ БОГОЛЕПОВ (25.09.1900 — 15.10.1980) —
ВРАЧ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ**

С моим учителем в области неврологической науки — Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР, заслуженным деятелем науки РСФСР, заслуженным врачом РСФСР, академиком АМН СССР, доктором медицинских наук, профессором Николаем Кирилловичем Боголеповым я впервые встретился и познакомился в 1957 г., когда поступал в аспирантуру по неврологии при Центральном институте экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов (ЦИЭТИН).

Дело в том, что я окончил в 1951 г. Донецкий медицинский институт с отличием, и мне предлагали остаться в институте в аспирантуре, но я решил поехать на практическую работу и, руководствуясь романтическими порывами и желанием узнать долю рядового врача, отправился в город Молодой Гвардии — шахтерский районный центр Краснодон, где проработал 6 лет ординатором в районной больнице и совместителем в РайВТЭК. Когда я узнал из нашей медицинской газеты, которая тогда называлась “Медработник”, о конкурсе в аспирантуру по неврологии в ЦИЭТИН, я послал туда документы. Неврологическим отделением института в то время заведовал доцент Гарун Ахметович Максудов, сменив на этом посту Н.К. Боголепова, который руководил этим отделением с 1947 по 1952 г., а затем оставался его научным руководителем и был заведующим кафедрой врачебно-трудовой экспертизы ЦИУ. Естественно, все это я узнал впоследствии, а тогда я поступал в аспирантуру ЦИЭТИНА, т.е. к доценту Г.А. Максудову.

Поступающих было несколько человек, но основными, оставшимися после двух первых экзаменов, оказались двое: младший научный сотрудник ЦИЭТИНа и я — врач районной больницы из периферийного городка. При этом и я, и второй претендент, сдав первые два конкурсных экзамена — историю КПСС и английский язык на “отлично” — шли, как говорил Гарун Ахметович, “ноздря в ноздю”. Решающим был последний экзамен по неврологии, и он заявил, что если мы сдадим экзамен с одинаковой оценкой, то в аспирантуру возьмут младшего научного сотрудника с московской пропиской и, вообще, своего человека. Я спросил о том, кто будет принимать экзамен. Г.А. Максудов ответил, что принимает экзамен комиссия, в составе которой будет Н.К. Боголепов, чем буквально поверг меня в ужас.

Фамилию Н.К. Боголепова я знал, так как в 1956 г. вышел учебник по нервным болезням пяти авторов — Н.К. Боголепова, С.Н. Давиденкова, И.Я. Раздальского, А.В. Триумфова, И.Н. Филимонова. Стояли эти фамилии в алфавитном порядке. Кто они были, ни я, ни мои товарищи по работе не знали; для нас они были авторами нового учебника. И так как первая фамилия была Н.К. Боголепова, то мы и называли этот учебник учебником Боголепова. По нему я готовился при поступлении в аспирантуру, и вот оказалось, что экзамен у меня будет принимать сам Боголепов. Я поинтересовался у Гаруна Ахметовича, продолжает ли профессор Боголепов писать учебники или только принимает экзамены, на что тот ответил, что профессор занимается и тем, и другим. И вот настал час экзамена, и я впервые увидел Н.К. Боголепова. В то время

Николаю Кирилловичу было 57 лет, а мне 30. Это был человек выше среднего роста и очень интеллигентной внешности. Голос у него был мягкий, спокойный и самое доброжелательное, ласковое выражение лица. А главное, как я убедился впоследствии, он умел внимательно выслушивать собеседника, никогда его не перебивая.

Экзаменационная комиссия была солидная и достаточно требовательная: зам. директора института по научной работе (председатель), проф. Н.К. Боголепов, доц. Г.А. Максудов, секретарь парткома, ученый секретарь и др. Оба мы сдали экзамен на “отлично”. Зная, что в этом случае предпочтение будет отдано конкуренту, я пошел к ученому секретарю, чтобы взять свои документы. Но она сказала мне, чтобы я не торопился забирать документы, так как Николай Кириллович принял соломоново решение, поставив вопрос о зачислении нас в аспирантуру на ученом совете института, на котором он выступил. Николай Кириллович сказал, что предпочтение кому-либо отдать трудно, так как претенденты равнозначны, но возможности у них различные: младший научный сотрудник и без аспирантуры напишет диссертацию, паренек же из далекого Краснодона завянет там и никакой диссертации не сделает, поэтому ему надо дать возможность проявить себя и взять его в аспирантуру. Ученый совет практически единогласно открытым голосованием принял решение о моем зачислении в аспирантуру, а Николай Кириллович заявил, что будет моим научным руководителем диссертации, хотя я был аспирантом Г.А. Максудова. Так была решена моя судьба, и полтора десятка лет, до моего избрания на должность заведующего кафедрой нервных болезней ММСИ, мы находились в тесном содружестве с Н.К. Боголеповым (1957—1972). Таким образом, благодаря доброте Николая Кирилловича, произошел беспрецедентный случай с моим поступлением: обычно зачисляют своих сотрудников и нетрудно было поставить мне оценку “4+”, тогда бы я просто не прошел по конкурсу.

Николай Кириллович в то время не имел высоких званий, он даже не был членом КПСС. Был он обычным профессором и доктором наук (защитил докторскую диссертацию в 47 лет) и имел звание лауреата Сталинской премии, которую получил в 50 лет за монографию “Коматозные состояния”. У него было чуть более 100 печатных работ. Правда, он был главным невропатологом 4-го Главного Управления МЗ СССР. Когда я поступил в аспирантуру, Николай Кириллович получил от 4-го Управления квартиру на третьем этаже гостиницы “Украина”. В эту квартиру он меня и пригласил для обсуждения вопроса о теме диссертации.

Там я познакомился с милой женщиной — супругой Николая Кирилловича, доцентом Анной Адриановной Растворовой, которая работала на кафедре нервных болезней и была отличным специалистом-невропатологом 2-го Московского медицинского института. Анна Адриановна приняла меня как сына и помогала решать многие вопросы, но не вопросы диссертации, хотя и могла бы это сделать. Там же я познакомился с сыном Николая Кирилловича — Николаем и дочерью Ириной, тоже невропатологами. Семья была очень талантливой: дети Николая Кирилловича закончили школу с золотой медалью и сейчас они профессора, а сын к тому же и академик РАМН.

Работая с Николаем Кирилловичем, я видел его огромное трудолюбие. На кафедре, в АМН СССР, в редакции, дома и на даче он никогда не оставался без дела. Он сам трудился много и другим отсиживаться не давал. У Николая Кирилловича был дар организаторских способностей. Много внимания он уделял педагогическому процессу. По его указанию, прежде чем вести занятия со студентами ассистенты должны были пройти курс обучения у доцентов или опытных ассистентов. Николай Кириллович ввел на кафедре так называемые показательные практические занятия, которые иногда проводил и сам, а также пробные лекции для преподавателей. Без них никто не допускался к чтению лекций. Несмотря на то что он был преподавателем с большим практическим опытом, он всегда хорошо готовился к лекциям, постоянно их обновлял. Лекции его всегда сопровождалась демонстрацией слайдов и картинок с эпидиаскопа, обсуждением клинических наблюдений, изложением историй болезни известных исторических личностей, выдержками из литературных произведений. Например, читая лекцию об апоплектированном синдроме при инфаркте миокарда, который Николай Кириллович впервые в мире описал в 1949 г., он на слайдах демонстрировал изменения не только в головном мозге, но и в мышце сердца и коронарных сосудах. Лекцию о паркинсонизме он сопровождал демонстрацией картин великих художников. Показывал, как меняются состояния мимических мышц под действием эмоций, в частности, на картине И.Е. Репина "Запорожцы пишут письмо турецкому султану", картине К.П. Брюллова "Последний день Помпеи", картине А.Г. Васнецова "Гадание на картах" и др.

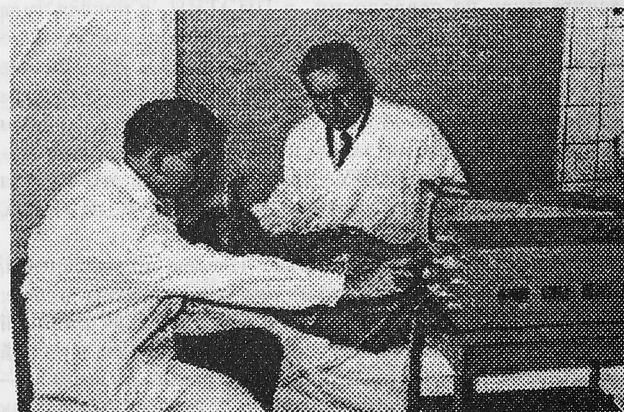
Влияние коры головного мозга на вегетативные образования он демонстрировал на следующем примере: "Представьте себе, что я держу в руке лимон, у которого отрезана одна долька. Я продолжаю резать ножом, с которого капает капля лимонного сока, следующую дольку, причем кожа лимона разрезается с трудом, выжимается косточка, которая падает на блюдце с несколькими каплями сока, затем я отрезаю дольку лимона и продолжаю дальше резать лимон. И у меня при виде этого появляется ощущение кислого во рту и выделяется слюна. Разве вы не ощутили кислоты во рту, если детально воображали себе эту картину?" Рассказывая о болевых синдромах, он приводил интересное эмоциональное описание боли А. Доде — автора "Тартарена из Тараскона": "Боль вопзает во все, что я вижу, в мое воображение и в мои рассуждения. Это полное насыщение человека болью". Такое описание боли может сделать только человек, ее испытавший.

Николай Кириллович говорил, что и студентам, и врачам нужно знать, как преодолевать боль. Это он показывал на примере писателя Николая Островского, который, будучи слепым, страдал болями в конечностях и различных частях тела, но так научился настраивать свою психику, что мог выключать боль на любом участке тела.

Читая лекцию о спинальных опухолях, Николай Кириллович приводил данные истории болезни известного русского художника Бориса Михайловича Кустодиева (1878—1927), у которого в возрасте 30 лет была выявлена опухоль спинного мозга и в 35 лет впервые, а в 38 лет во второй раз он был оперирован. Несмотря на операции, у больного возник паралич нижних конечностей, но он прожил еще 15 лет и, благодаря оптимизму и любви к искусству, создал свои лучшие картины: "Степан Разин", "Большевик", портрет Ф.И. Шаляпина, "Русская Венера", серия "Ярмарки" и др. И профессор демонстрировал нам эти картины. Такой способ чтения лекций можно видеть в его монографии "Клинические лекции по невропатологии"

(М., 1971, 432 с.). В это время Николаю Кирилловичу было уже более 70 лет, но монография отражает ясность его клинического мышления и большой практический опыт. Он любил клиническое обследование больных. Много времени Николай Кириллович тратил на исследование неврологического статуса больного, выявляя при этом детали, которые мы не замечали или не считали их важными. Такой неврологический осмотр мы называли ювелирным обследованием больного. Это позволяло Николаю Кирилловичу в те времена, когда не было ни КТ, ни МРТ-техники, поражать врачей точностью определения локализации, размеров и вида патологического процесса. Наблюдательность и ювелирное обследование больного позволили Николаю Кирилловичу описать более полутора десятков синдромов и синдромов, названных его именем, которые не потеряли значения и в наши дни. Он описал аортально-каротидный синдром, симптомы гемиплегии, определяемые в коже, гиперпатические и маятничкообразные рефлексы, гипер-пронаторные и гипер- и гипосупинаторные контрактуры, различные синкинезии, гиперкинезы, вариант каузалгий, симптом ротированной стопы и др.

Николай Кириллович любил все новое и никогда не осуждал даже явно, казалось бы, фантастические проекты. Он всегда нам говорил, чтобы мы не отвергали любое новое и старались его изучать. Это позволило ему выделить ряд новых методов диагностики и лечения, например, метод иридодиагностики, точечный массаж.

Академик АМН Н.К. Боголепов (справа) и проф. В.Е. Гречко (слева) в лаборатории эхо-энцефалоскопических исследований.

Когда встал вопрос о моей докторской диссертации, Николай Кириллович предложил изучить изменения нервной системы при операциях на аорте, которые стали делать в институте им А.Н. Бакулева, располагавшемся рядом с нашей кафедрой. Я сказал, что эта тема новая, актуальная и позволит быстро сделать диссертацию, но удовлетворения не доставит, так как мне не нравится. Николай Кириллович спокойно со мной согласился, только спросил, есть ли у меня альтернатива. Я сказал, что меня интересует разработка метода, позволяющего заглянуть в мозг. Тогда еще не было ни КТ, ни МРТ. На его вопрос, как я хочу это осуществить, ответил, что сделаю с помощью ультразвука: ультразвуковая дефектоскопия материалов в технике тогда уже была. Он согласился, что идея хорошая, но потребует много времени и сил, однако возражать не стал и, более того, обещал поддержку.

Результат оказался хорошим: был разработан метод эхо-энцефалографии и на основании этих исследований созданы ультразвуковые эхоэнцефалографы "Эхо-11" и "Эхо-12",

которые выпускают серийно вот уже более 35 лет и до сих пор они пользуются большой популярностью у врачей.

Помню, как он узнав, что терапевты госпитализируют больных с инфарктом миокарда в остром периоде, заметил: неверно, что мы не госпитализируем больных с острыми нарушениями мозгового кровообращения, с инсультами. В то время была установка, что больных инсультом можно госпитализировать только через 14 дней от начала развития инсульта. Это приводило к тому, что больные оставались без адекватной врачебной помощи, а если это была женщина, то в большинстве случаев — и без ухода вообще. Он установил контакты со станцией скорой помощи, наладил госпитализацию больных в неврологические стационары, на первых порах подключил всех сотрудников кафедры к решению этой проблемы. Я до сих пор не могу забыть вида профессоров Л.О. Бадаляна и Г.С. Бурда, в то время ассистентов кафедры, одетых в форму врачей скорой помощи. Вначале дело шло с некоторыми затруднениями, в дальнейшем госпитализацию больных уже остановить не могли. Новая форма родила новые виды помощи больным этой группы. В.В. Лебедев сделал под руководством Николая Кирилловича диссертацию по хирургическому лечению инсультов. Появились противоинсультные бригады и противоинсультные специализированные машины, оснащенные нашим эхоэнцефалографом “Эхо-12”.

Н.К. Боголепов разрабатывал новые направления в невропатологии: кардионеврологию, реневрологию, нейрореанимацию, нейрогериятрию, нейроаллергологию. Он внёс большой вклад в изучение патологии мозгового кровообращения, разработал классификацию сосудистых заболеваний нервной системы, развил учение о недостаточности мозгового кровообращения, описал вентрикулярные геморрагии, неврологические синдромы при патологии верхней и нижней полой вен, аорты, заболеваний сердца.

Я практически никогда не видел его сидящим без дела: он был заместителем главного редактора “Журнала невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова” и прилагал большие усилия для выхода каждого номера. Помню, как заведующая редакцией Евгения Александровна Селезнева, тогда молодая и красивая женщина (кстати, здравствующая до сих пор), привозила ему материалы журнала и корректуру, он все перечитывал, проверял и подписывал.

Много времени у него отнимала работа в АМН, где он был заместителем академика-секретаря отдела клинической медицины и курировал научные исследования АМН. Работа, кроме решения чисто научных вопросов, была связана с различными техническими деталями. Я упросил Николая Кирилловича подключить меня к этому разделу, и мы вместе с ним часто бывали в АМН СССР на ул. Солянка, где я видел, как хорошо к Николаю Кирилловичу относятся другие академики, присутствовал на его выступлениях. Он был редактором II и III изданий БМЭ.

Работоспособность Николая Кирилловича проявлялась и в том, что на всех форумах он обязательно выступал. Он говорил нам, что если мы явились на симпозиум, конференцию или съезд, то обязательно должны выступить, а иначе туда не следует и приходить.

Им опубликовано около 500 научных работ, среди которых 19 монографий и руководств. Под его руководством выполнено и защищено около 100 докторских и кандидатских диссертаций. 19 его учеников еще при жизни Николая Кирилловича заведовали кафедрами нервных болезней в медицинских институтах страны. Мне хотелось бы

отметить, что все это было сделано в возрасте после 60 лет. До 60 лет у него было чуть более 100 печатных работ, из них 4 монографии и 2 диссертационные работы. Николай Кириллович доказал всему миру, что 60 лет — вовсе не пенсионный возраст.

Не будучи членом КПСС и являясь сыном священнослужителя, он был утвержден главным невропатологом 4-го Главного Управления МЗ СССР (1954—1960 гг.), а затем его главным консультантом. Замечу, что назначенный на его место в 1960 г. Е.В. Шмидт также не был членом КПСС. Переход в консультанты был связан не с физической слабостью, а с тем, что Николай Кириллович не любил разъездов как в ближние, так и в дальние страны и под различными предложениями от них отказывался. Я помню, как при мне позвонили из “кремлевки” и сообщили, что Николаю Кирилловичу надо лететь на Огненную Землю — там заболел кто-то из видных коммунистов. Он отказался. Как я ему завидовал, как уговаривал лететь, говоря, что такая возможность больше не представится. А он отвечал, что бывал уже в Китае у Мао Цзе-Дуна, в Египте и других странах, а эта поездка, хотя и очень интересная, но сам перелет нелегкий.

Николая Кирилловича отличало умение смотреть далеко вперед. Он был очень добрым человеком и обычно, как правило, никому не отказывал в просьбе. Подготавливая очередного доктора наук, он обязательно готовил и место для его трудоустройства. Так, для Л.О. Бадаляна была организована кафедра детской неврологии во 2-м медицинском институте, для меня — зав. проблемной лабораторией во 2-м МОЛГМИ, для Ю.С. Мартынова — место заведующего кафедрой нервных болезней в Университете Дружбы народов им. П.Лумумбы, для Л.Г.Ерохиной — курс нервных болезней на медико-биологическом факультете, впоследствии реорганизованный в кафедру в том же 2-м МОЛГМИ и т.д.

Такие принципы Николая Кирилловича исключали развитие напряженных ситуаций на кафедре, хотя, честно говоря, равных ему среди учеников не видно. Но у всех учеников было одно преимущество — молодость. И при соответствующей интерпретации они могли отодвинуть Николая Кирилловича на второй план. И Николай Кириллович не позволил это сделать не очень сложным приемом. Мне кажется, что это его качество следует перенять всем без исключения заведующим кафедрами независимо от специальности, и тогда все будет нормально.

Были ли у Николая Кирилловича слабости чисто человеческие? Безусловно, были. Но, как правило, они были безобидными. Мне бы не хотелось о них писать, так как я практически был другом семьи Боголеповых. Но ведь без минусов получается просто схематический портрет, а не живой человек. Поэтому хотя бы о некоторых придется написать. Например, Николай Кириллович любил подчеркнуть свои достижения: подписывая всякие официальные бумаги, он просил указывать все свои титулы и звания. И человеку, который их не указывал, приходилось перепечатывать бумагу заново. Обычно на лекции он приходил в идеально выглаженном белом халате, застегнутом на все пуговицы. Но с некоторых пор он перестал застегивать халат и более того, слегка приоткрывал ту сторону, на которой была пристегнута медаль лауреата Сталинской премии. Это была высокая оценка правительства СССР. Думаю, такая слабость есть у каждого человека. Если бы я получил такую медаль, то делал бы так же, как Николай Кириллович. Отличала Николая Кирилловича и чрезмерная

бережливость. Он не тратил лишних денег на одежду и другие мелочи быта. Поэтому жил он отнюдь не шикарно, хотя зарабатывал очень прилично. Часто его ожидали много людей часами, он приезжал с опозданием, а бывали случаи, когда он совсем не приезжал. Связано это было с добротой Николая Кирилловича, который, стараясь никому не отказывать, кто к нему обращался, часто не мог вернуться к назначенному сроку. Но в основном это было связано с тем, что его разыскивала “кремлевка” и он уезжал на консультацию или консилиум.

Бог дал ему прекрасную память, которая сохранилась до последних дней его жизни. Бывало, он говорит на обходе: “Сделайте то-то и то-то, Вам дается 3 дня”. Все об этом забыли, а он после 3 дней спрашивает об этом. Мы не видели, чтобы он это записывал.

О его памяти и наблюдательности свидетельствует и такой факт. Однажды мы с Николаем Кирилловичем ехали в такси из клиники к нему домой. После того как я уехал, он позвонил и спросил, не захватил ли я его очки. Я ответил, что нет. Он сказал, что они, вероятно, остались в машине такси, и спросил, не помню ли я его номер. Я ответил, что, конечно, не помню. Он же назвал мне номер машины, я позвонил в таксопарк, и мне сказали, что шофер передал очки...

Всех, с кем он встречался, он помнил по имени и отчеству. Я часто бывал с ним в академии медицинских наук и в институте и видел, как люди буквально застывали столбом, когда Николай Кириллович здоровался с дежурной или уборщицей: “Здравствуйте, Евдокия Михайловна” или “Дарья Васильевна”. И все говорили, что вот, мол, он настоящий академик и меня не забыл, а я даже имени и отчества его не помню, только и знаю, что это Боголепов. Николай Кириллович умел говорить людям приятные слова очень искренне, без навязчивости и лести, и человек сам начинал в это верить. Майя Львовна Федорова — заведующая неврологическим отделением, много лет проработавшая с Николаем Кирилловичем, блестящий специалист и умнейшая женщина, отмечала “Вот умеет наш шеф найти хорошие слова и знаю, что это не совсем так, а приятно”.

Ко всем людям он относился с большим уважением, всегда подчеркивая, что нужно прислушиваться ко всем замечаниям независимо от того, кто их делает. Он говорил: “Если Вам сделает замечание по научной работе санитарка, не отвергайте его сразу из-за того, что она значительно ниже Вас по должности. Такое замечание может сделать и академик. Другое дело — будете ли Вы менять от этого замечания свое решение. Это уже зависит от Вашего ума и сообразительности. Но прислушиваться к нему стоит”. Чем он отличался от других людей, так это в высшей степени воспитанностью: он никогда ни на кого не кричал, как бы он не был рассержен; я никогда не слышал от него никакого бранного слова. Бывало, приду к нему и говорю, когда меня уж допекут: “Этот тип такой и сякой”, а он спокойно

подтверждает: “Да, нехороший человек”, — и все.

Николай Кириллович умел организовать работу коллектива, ничего не откладывая на потом, и все вопросы решал сразу, немедленно. Он строго соблюдал субординацию и требовал этого от других. Если он давал задание, то обязательно требовал доложить о его выполнении. У Николая Кирилловича была особая харизма и не выполнить его просьбу было практически невозможно.

Меня часто спрашивали, верил ли Николай Кириллович в Бога. Я знал, что он происходил из семьи священнослужителя (его я не застал, Кирилл Петрович умер в 1930 г.) и, встречаясь с его матушкой, Серафимой Николаевной, которая прожила большую жизнь — 94 года, я сам задавал себе этот вопрос. Но на протяжении 15 лет моего тесного общения я ни разу не видел, чтобы Николай Кириллович крестился, посещал церковь или просто молился. Он никогда не упоминал имени Бога всуе (вроде “Господи, Господи!” или “не дай Бог” и т. п.). Однако он не произносил бранных слов, не курил, не пил водки, хотя рюмку отличного вина мог выпить; не мстил людям, которые ему делали гадости. И поэтому мне всегда казалось, что он ведет себя по-христиански, но спросить его о том, верит ли он в Бога, я так и не отважился. Я думаю, что Николай Кириллович как человек большого ума считал, что дело не в церковных ритуальных действиях, а в том, что человек в душе должен верить в Отца-Вседержителя, Творца Неба и Земли, всего видимого и невидимого. Ведь именно в этом заключается настоящая Вера, которая должна подтверждаться не словами, а действиями человека. Перед смертью Николай Кириллович просил отпевать его в церкви (что и было сделано: отпевали его в Ново-Девичьем монастыре), думаю, я не ошибался, предполагая его веру в Высшую Силу. Конечно, я мог бы спросить об этом у Анны Адриановны, супруги Николая Кирилловича (ей сейчас 98 лет), или у его детей, но вопрос уж очень деликатный, и я до сих пор не решаюсь. Да и какое это имеет значение?

Я считаю, что Николай Кириллович прожил хорошую жизнь. Жил он достойно и оставил после себя хорошую память. Правительственных наград у него, правда, было не так много, вероятно, сказывалось его социальное происхождение, но это были награды от почетной — ордена “Знак Почета” — до самой высшей — ордена Ленина и медали “Золотая звезда” Героя Социалистического Труда, а также медали лауреата Сталинской премии, которая была заменена медалью Государственной премии СССР.

На доме, где он жил (гостиница “Украина”), установлена мемориальная доска. Думаю, добавить к этому нечего.

Проф. В.Е. Гречко (Москва)

Поступила 26.04.01.

